

ЕВГЕНИЙ БУРМИСТРОВ

Евгений Кисин.

свой двойной автопортрет? Что Кярина, его будущая жена, — великая пианистка Клара Вик, а тогда еще совсем девочка? Эстрелла — Эрнестина фон Фрикен, девушка из маленького богемского городка Аш, в которую был влюблен композитор? В номере «Танцующие буквы» именно он и зашифрован — A.S.C.H. Только Шопена и Паганини, слава которых летит вперед века, узнали все. А заключительный «Марш Давидсбюндлеров против филистимлян», сыгранный пианистом со здоровым напором, тоже так и повис без тонкой подоплеки: «Союз Давидсбюндлеров» — очередной псевдоним Шумана-рецензента, нападавшего на косную публику.

Кисинский «Карнавал» пролетел поверх культурного уровня зала. Волна ожидания чуда, причем со стороны гораздо более непросвещенной публики, чем на «Декабрьских вечерах», возросла до притаившегося цунами.

Второе отделение Кисин начал Третьей сонатой Брамса с таким мощным эпическим замахом, что на сцене взорвался софит, да не просто, а как в плохом кино, где лучше всех работает пиротехник: со звуком вульгарного выстрела, густым дымом и просыпавшимися на сцену осколками. Подобная катастрофа напоминает случай с Рихтером. В 70-е он играл Сонату Листа в зале Чайковского. Пошла бурная тема — и рояль в буквальном смысле слова поехал от него прочь! Рихтер тогда, зацепив правой ногой ножку стула, чуть подкинул его, одновременно подпрыгнув, догнал рояль и как ни в чем не бывало продолжил исполнение.

Так вот — главное, что Кисин глазом не моргнув выдержал гигантскую Сонату, почти симфонию, на одном дыхании. И если в Шумане сфинксы промолчали, то Брамс — и сердитый, и нежнейший, оказался на редкость говорлив и вытянул весь концерт на уровень незабываемых.

Конечно, неопитам гораздо интереснее было бы слушать всю эту музыку, зная хоть какие-то тонкости взаимоотношений корифеев романтической эпохи. Но для них Кисин припас очень практичные бисы. Три красивеньких брамсовских Вальса, два его самых популярных Венгерских танца, один милый Вальс шопеновский, виртуозное Скерцо из «Сна в летнюю ночь» Мендельсона — Рахманинова и особенно феерический Парафраз Грюнфельда на штраусовские вальсы обозначили: перед нами феномен, подобный Горовицу.

взрослый Кисин — не Женя в пионерском галстуке — не без заметных внутренних борений преодолевал заведомо восторженное настроение зала. Когда многие ждут от тебя чуда — нелегко расковаться. В программе — один Шопен. 24 крошечные прелюдии — калейдоскоп настроений, преимущественно скорбных, на фоне которых светлые строчки музыки воспринимаются особенно остро — как обезболивающее. Только супермузыкант может позволить себе этот уверенный широкий жест — сыграть их циклом и более двадцати раз точно переклеститься на разные состояния. А после этого еще безупречно представить си-бемоль минорную Сонату Баркаролу, бисовые Вальсы и Второе скерцо. Концерт вышел на редкость удачным. Хотелось радостно воскликнуть: ура! Найдена точка отсчета...

Да как сказать. Еще тремя днями позже Кисин вышел на сцену Большого зала консерватории с «Карнавалом» Шумана. Остроумный цикл — портреты условных и реальных героев из жизни композитора. Если не знаешь прототипов, оценишь только стихию, формальную красоту да время от времени гениальные, снятые с неба формулировки. Кто теперь вспомнит, что именно на резкого Флорестана и доброжелательного Эвсебия — псевдонимы самого Шумана-журналиста, давшего в «Карнавале»

...и без пионерского галстука

наиболее известный
1990-1995 гг. — с. 7

На концерт Евгения Кисина в рамках «Декабрьских вечеров» публика буквально ломилась. Первые десять минут